

Михаил Кузмин

**Чудесная жизнь Иосифа
Бальзамо, графа Калиостро**

Михаил Кузмин

**Чудесная жизнь Иосифа
Бальзамо, графа Калиостро**

«Public Domain»

1919

Кузмин М. А.

Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро /
М. А. Кузмин — «Public Domain», 1919

Художественная манера Михаила Алексеевича Кузмина (1872-1936) своеобразна, артистична, а творчество пронизано искренним поэтическим чувством, глубоко гуманистично: искусство, по мнению художника, «должно создаваться во имя любви, человечности и частного случая». «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» – первая книга из замышляемой Кузминым (но не осуществленной) серии занимательных жизнеописаний «Новый Плутарх». «Мне важно то место, – писал М. Кузмин в предисловии к задуманной серии, – которое занимают избранные герои в общей эволюции, в общем строительстве Божьего мира, а внешняя пестрая смена картин и событий нужна лишь как занимательная оболочка...» Калиостро – знаменитый алхимик, масон, чародей XVIII в.

© Кузмин М. А., 1919

© Public Domain, 1919

Содержание

Введение	5
Книга первая	6
1	6
2	7
3	9
4	11
5	13
6	15
7	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Михаил Кузмин

Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро

В трех книгах

Введение

У Чарльса Диккенса, в прекрасном, но малоизвестном романе «Наш общий друг», мистер Бофин, читая биографии Плутарха Херонейского, испытывает разнообразные сомнения: то он верит всему написанному, то ничему не верит, то дарит своим доверием одну половину жизнеописания, причем не знает, которой отдать предпочтение.

Будучи далек от мысли равняться с Херонейским мудрецом, я легко могу представить подобные затруднения у своих, хотя бы и снисходительных, читателей, тем более что, принимая «Нового Плутарха», я отнюдь не думал предлагать на общее внимание компилятивные биографии и еще менее выдавать свои фантазии за исторические исследования. Конечно, я не буду легкомысленно утверждать, что Микеланджело жил в двадцатом веке, и не поселю Платона к зулусам, но, исключая самые основные биографические очертания, в подробностях, красках, а иногда и в ходе описываемых событий предоставляю себе полную свободу. Главным образом, меня интересуют многообразные пути Духа, ведущие к одной цели, иногда не доводящие и позволяющие путнику свертывать в боковые аллеи, где тот и заблудится несомненно.

Мне важно то место, которое занимают избранные герои в общей эволюции, в общем строительстве Божьего мира, а внешняя пестрая смена картин и событий нужна лишь как занимательная оболочка, которую всегда может заменить воображение, младшая сестра ясновидения.

Мне бы хотелось, чтобы из моих жизнеописаний узнали то, что лишь самый внимательный, почти посвященный чтец вычитает из десятка хотя бы самых точных и подробных, фактических биографий, – единственное, что нужно помнить, лишь на время пленяясь игрою забавных, трагических и чувствительных сплетений, все равно, достоверных или правдоподобно выдуманных.

«Новый Плутарх» будет заключать в себе около пятидесяти биографий и, конечно, подлежит рассмотрению лишь по окончании, но мне казалось, что и отдельно взятые главы оттуда могут представлять некоторый интерес для читателя.

В. Э. Мейерхольду

Книга первая

1

Феличе Бальзамо старалась взглянуть на маленькое существо, лежавшее около нее на широкой купеческой кровати, и говорила мужу:

– Смотри, Пьетро, какие блистающие глаза у малютки, какой ум написан у него на лобике!... Наверное, он будет если не кардиналом, то, во всяком случае, полковником!...

По правде сказать, ничего особенного не было в большеголовом мальчугане, корчившем свои распеленутые ножки; нельзя даже было сказать, на кого ребенок похож, на отца или на похудевшую Феличе. Тем не менее синьор Бальзамо, на минуту оторвавшись от большой расходной книги и засунув перо за ухо, повернулся к кровати и, не подходя к ней, ответил:

– Вероятнее всего, он будет честным купцом, как его отец и дед. Может быть, впрочем, он будет адвокатом; это теперь выгодное занятие.

Будущий адвокат залился горьким плачем, может быть, от судьбы, которую ему предсказывали родители, или от солнца, которое как раз на него бросало июньский квадрат. Бабка Софонизба быстро поднялась от столика, где она пила кофей около очага, передвинула ребенка в тень, закрыла его одеяльцем и, тихо шлепнув для окончания, подняла очки на лоб и промолвила:

– Браки и должности в небе решаются. Никто не знает, кто кем будет. Вот если он сделается графом или чудотворцем, то я удивлюсь и скажу, что он – молодец.

Феличе, закрыв глаза, тихонько хлопала рукою по голубому одеялу, улыбаясь и словно мечтая, что будет с маленьким Беппо, недавно окрещенным в Палермском соборе.

Летний жар уже сломился, и Пьетро Бальзамо отправился в прохладную лавку; ушла и повивальная бабка Софонизба, а Феличе все лежала, стараясь скосить глаза, чтобы увидеть Иосифа, который уже тихо тарачил свои большие карие глазки. Действительно, не может быть у купца таких глаз, таких странных бугров на лбу, такой печати (конечно, печати) необыкновенности на всей большой голове.

И мать, и сын оба думали и видели (по крайней мере, Феличе), как на стене выскакивали, словно картонные, квадраты, на которых было написано поочередно: кардинал, полковник, адвокат, купец, чудотворец, граф. Последний квадрат появлялся чаще других и был веселого желтого цвета.

В сумерках Пьетро вернулся, жена только что проснулась и, подзвав к себе мужа, тихо сказала:

– Несомненно он будет графом!

Бальзамо хотел было послать за доктором, думая, что у жены начинается бред, но Феличе остановила его, сказав, что она совершенно здорова. Пьетро сел у кровати и сидел долго, не зажигая огня и смотря на безмолвный пакетик, где заключался будущий полковник. Так досидели они до первых звезд, когда служанка принесла свечи и стала накрывать на стол для ужина.

2

Мальчик рос, как растут все дети небогатых купцов, хотя родители ему предоставляли больше свободы, чем это принято. Феличе огорчалась, что Иосиф плохо растет и будет маленького роста, несколько утешаясь тем, что он все-таки крепкого сложения, широкоплеч, имеет высокую грудь, маленькие руки и ноги (как у графа) и выразительное смелое лицо. И характер имел смелый, предприимчивый и открытый, не без некоторой вспыльчивости, впрочем. Был щедр, почти расточителен, скор на руку и крайне самолюбив. Часто, когда Беппо прибегал домой и с жаром рассказывал об уличных драках, отец качал головою и полушутливо, полусерьезно говорил: «Нет, брат, плохой из тебя выйдет купец! Разве только матрос на торговом судне. Уж очень ты задорен и важен, так жить нельзя!» Мать ласкала сына и радовалась словам Пьетро, потому что вовсе не считала положение купца самым выгодным и достойным для своего любимца.

Однажды утром он рассказал ей удивительный сон.

Ему не спалось, и сначала наяву он увидел, как по темному воздуху двигались и сплетались блестящие голубоватые фигуры вроде тех, что он как-то заметил в учебнике геометрии: круги, треугольники, ромбы и трапеции. Соединялись они в необыкновенно разнообразные узоры, такие красивые, что, казалось, ничего на свете не могло быть лучше их, хотя и были они одного цвета. Как будто вместе с ними носились какие-то инструменты каменщиков, совсем простые: молотки, отвесы, лопаты и циркули. Потом он заснул и очнулся в большой зале, наполненной одними мужчинами, посередине стоял большой стол, как на придворных обедах, с хор раздавались скрипки, флейты, трубы и контрабасы, а сам Иосиф висел в воздухе, сидя на голубом облаке. Внизу, прямо под ним, на маленьком столике стоял графин с чистой водой, и около находился голый мальчик с завязанными глазами; руки его были скручены за спину полотенцем. И Иосиф понял, что этот пир – в честь его; у него горели щеки, он чувствовал, как билось у него сердце, между тем как голубое облако, описывая мелкие (все мельче и мельче) круги, опускалось прямо на столик с графином. Ему было так радостно, что он проснулся, но и проснувшись продолжал чувствовать, как бьется его сердце и как пахнет вареным красным вином, смешанным с анисом и розами.

Феличе весь этот сон поняла попросту и объяснила, что Джузеппе женится на графине, будет держать открытый дом и каждый день обедать с музыкой, которая будет играть арии Перголезе. Но, кажется, она боялась сглазить предсказание, потому что усиленно просила сына никому не рассказывать об этом видении, обещая и со своей стороны полный и строгий секрет.

Вскоре после этого сна Иосиф, гуляя в отдаленной части города, засмотрелся на недавно отстроенный дом, с которого не успели еще снять лесов. Он был очень красив, в четыре этажа, выкрашенный в розовую краску; на крыше стояли гипсовые вазы, вероятно, чтобы потом сажать туда вьющиеся цветы. На крыльце сидела худая женщина с ребенком. Очевидно, она пришла издалека и несколько дней не ела, так бледно и худо было ее лицо. Нищая не обратилась к Иосифу, она его не заметила, да и потом, естественно было подумать, что такой маленький мальчик едва ли может оказать какую-либо помощь, разве сбежать в аптеку или полицию. Но у Иосифа всегда почти были деньги. Имея доброе и быстрое на решения сердце, он, не дожидаясь обращения, сам подошел к сидящей женщине и молча протянул ей маленький голубой кошелек, где брэнчало несколько монет, которые он ей и предоставил. Так как Иосиф был маленького роста, то на вид ему казалось не больше восьми лет. Нищая с удивлением посмотрела на благотворительного малютку в чистом синем камзолчике и не прятала кошелек, очевидно думая, что деньги не принадлежат мальчику или что он сам не соображает, что делает. Но синьор Бальзамо очень важно заметил:

– Не беспокойтесь, это мои деньги, и сейчас они мне не нужны. Я буду очень рад, если они вам пригодятся.

Женщина разразилась благословеньями и поцеловала руку Иосифу, которую тот не отдернул, но, наоборот, очень охотно, по-видимому, подставил для поцелуя. Затем он не спеша повернулся и хотел было уже отправиться домой, как вдруг увидел, что его благодеяние не осталось без свидетелей. У соседнего дома стоял высокий молодой человек в сером плаще и внимательно смотрел на Иосифа. Сам мальчик не понимал, что заставило его подойти к незнакомцу и почтительно приподнять треуголку. Тот улыбнулся, но продолжал молчать и не двигаться. Остановился и Иосиф. Наконец человек в сером плаще взял Иосифа за руку и спросил как-то странно:

– Хотел бы ты иметь такой дом?

Мальчик не любил, когда посторонние говорили с ним на «ты», и притом совсем не был подготовлен к такому вопросу; поэтому он промолчал и только перевел глаза на розовое здание. Незнакомец продолжал:

– Но насколько прекраснее выстроить такой дом, нежели владеть им.

Мальчик все молчал.

– Как хорошо бы выстроить прекрасный светлый дом, который вместил бы всех людей и где все были бы счастливы.

– Дома строят каменщики!

– Да, дитя мое, дома строят каменщики. Запомни, что я тебе скажу, но забудь мое лицо.

При этом незнакомец наклонился к Иосифу, как будто именно для того, чтобы тот его лучше рассмотрел. Лицо его было прекрасно, и мальчик как бы впервые понял, что есть лица обыкновенные, уродливые и красивые. Молодой человек пробормотал:

– Как ни таращи свои глаза, все равно ты позабудешь, чего тебе не нужно помнить!

Потом выпрямился и начал несколько торжественно:

– Иосиф, у тебя доброе сердце и славная голова, смелый характер и веселый нрав. Я не говорю о других дарах. Никогда не употребляй их во зло другим и для достижения мелких, ничего не стоящих выгод. Будь расчетливым купцом, в этом я согласен, пожалуй, с твоим батюшкой, потому что злодейство, в конце концов, есть вещь невыгодная для самого злодея и ни к чему доброму не приводит. У тебя же большой, огромный путь! Ты даже сам не предполагаешь, какая участь тебе готовится.

Мальчик вдруг заметил:

– Нужно много учиться!

– Да. Ты будешь учиться, но никогда не забывай двух самых верных учителей.

Тут он положил одну свою руку на сердце Иосифа, другую поднял к небу.

– Это – природа и чистое сердце. Они тебя научат вернее и лучше многих книг!

Молодой человек поцеловал мальчика и быстро ушел, а Иосиф никому не рассказывал о своей встрече, но когда старался вспомнить лицо незнакомца, то никак не мог воспроизвести в своей памяти его черты. Осталось впечатление только чего-то необыкновенно прекрасного и милостивого. И потом еще Иосиф был уверен, что всегда узнал бы этого человека, где бы и когда бы он ни встретился еще раз.

Несколько странно, что у Иосифа после этого случая появилась и быстро стала развиваться повышенная религиозность. Он не пропускал ни одной службы и наконец попросился у родителей в монастырь «маленьких братцев», находившийся неподалеку от их дома. Так как Иосиф не высказывал желанья постригаться, а хотел только жить в монастыре, где жило на таких же условиях еще несколько мальчиков и молодых людей, то супруги Бальзамо его отпустили, тем более что Феличе помнила про возможность для ее сына сделаться кардиналом, а Пьетро рассуждал так, что все равно где учиться, лишь бы учиться, а из монастыря он может взять обратно Иосифа в любую минуту, когда тот понадобится.

3

Иосиф учился довольно прилежно, особенно пристрастившись к химии и так называемым тайным наукам, в которых был достаточно опытен брат Пуццо, предложивший молодому Бальзамо отправиться с ним на остров Мальту. Иосифу было уже двадцать три года, а он не только ходил еще, к огорчению своих родителей, холостым, но даже не имел, по-видимому, никаких любовных связей. В городе по этому поводу были разные неверные и смешные слухи, но у «маленьких братцев» знали наверно, что Иосиф ведет себя целомудренно, отдавая все время, остававшееся от занятий, прогулкам за городом и простым играм.

Вместе с Иосифом и братом Пуццо на Мальту отправился еще кавалер д'Аквино, старинный еще знакомец доброго монаха, очень скоро подружившийся с молодым Бальзамо, несмотря на разницу в годах. Кавалеру о ту пору было лет под сорок; он имел мягкие, вкрадчивые манеры, приятный голос, интересовался тайнами природы, магнетизмом, вел замкнутый образ жизни и считался человеком очень богатым. К Иосифу он отнесся так, как будто тот был ему кем-нибудь заранее рекомендован с самой лучшей стороны. Иосифа это не удивляло, так как он был несколько легкомыслен и принимал ласковое обращение как нечто должное. Впрочем, кавалер был, по-видимому, таким добрым и достойным человеком, что мог бы приобрести доверие кого угодно, не только двадцатитрехлетнего юноши, не видавшего ничего на свете, кроме своего Палермо.

Иосиф отправился в путешествие в светском платье, причем, кавалер настоял, чтобы он принял от него известную сумму денег как прибавку к ассигнованным ему на обмундирование от родителей, и оделся, не торгуясь и не соблюдая излишней экономии.

Бальзамо обрадовался неожиданному подарку, так как отличался пристрастием к щегольству, хотя часто ходил небрежно и даже неряшливо одетым.

Родители сердечно простились с сыном, и сам он от души прослезился, махая платком и смотря, как все уменьшался гористый берег и все туманнее становился родимый город. Но долго ли может грустить молодой человек с живым характером, любопытным умом и легким сердцем, впервые отправляясь в далекое плаванье, особенно когда он уверен, что не только жизнь и продовольствие, но и известные развлечения обеспечены ему кошельком преданного и состоятельного друга?

Конечно, остров Мальта и образ жизни рыцарей не очень подходили человеку, ищущему веселого времяпровождения, и больше напоминают место, куда ездят поучаться и брать пример строгой и духовной жизни, но так как Иосиф, повторяю, ничего еще не видел и, кроме того, имел искреннее и сильное влечение к занятиям, то он очень радовался и интересовался всем устройством и жизнью ордена и завел много знакомств, насколько приятных и поучительных, настолько и могущих быть полезными впоследствии. Кавалер д'Аквино, вероятно принимая в соображение молодость своего спутника и боясь, чтобы он все-таки не соскучился на рыцарском острове, предложил ему проехаться в Испанию, на что Иосиф, конечно, с радостью и согласился. Брат же Пуццо остался на Мальте.

Море производило на Иосифа необыкновенное впечатление. Несмотря на то, что все его путешествие состояло из коротенького переезда с Сицилии на Мальту и более значительной, но тоже небольшой переправы с острова на Испанский материк, – ему казалось, глядя на широкие блестящие волны и пенные борозды корабля, что он объехал чуть ли не весь мир, побывал и в Турции, и в Египте, и на Родосе.

Ночи были безлунны, но все небо засыпано звездами, как золотыми зернами. Часто на палубе кавалер беседовал с Бальзамо. Откинув назад голову, как он имел привычку делать, исполненный блестящих планов, Иосиф говорил:

– Какие звезды, синьор! И это все миры, в сотни раз большие, чем наша планета. А сколько солнечных систем! Как мир огромен, таинствен и прекрасен! И подумать, что человек, пылинка, может приобрести власть над всеми вселенными. Сказать: «Стой, солнце!» – и оно остановится. Можно умереть от восторга, сознавая все величие человеческого духа!

– Ты львенок, Иосиф! – говорил кавалер, а Бальзамо, не опуская головы, широко разводил руками, будто хотел заключить в объятия весь звездный купол, все земли, и море, и палубу, и кофейный столик, на котором дымились чашки и желтела рюмка с ромом, так как Бальзамо до такой степени пристрастился к кофею, что не мог и часу существовать без него.

– Я завоюю весь мир! – воскликнул Иосиф после молчания.

Кавалер посмотрел на него удивленно. Тот продолжал медленно, словно читая в небе написанные слова:

– Я овладею силами природы, земными, водяными, огненными и воздушными! Я овладею сердцами людей, их душами, их волею. Я сделаюсь могущественнее Цезаря, Александра и Тамерлана – и на земле настанут благодать, мир и кротость!

– Ты овладеешь прежде всего самим собою, своими страстями и желаниями и освободишь свой дух.

– Да, конечно! – ответил Иосиф уже обычным тоном и принялся за кофею.

– Потому что это большое искушение – власть, особенно власть духа. Одно из трех искушений Иисуса.

– Но я чувствую в себе такую силу!

– Сила в тебе велика, тем осторожнее нужно с нею обращаться. И потом не следует забывать повиновенья. Кто не умеет повиноваться, едва ли сможет повелевать.

– Разве я когда-нибудь нарушал послушание? – спросил Иосиф, ласково беря за руку Аквино.

Тот задумчиво посмотрел за борт.

– Иосиф, тебе предстоит великая будущность, но и великие испытания, но Бог тебе поможет.

Бальзамо потрянул волосами, будто он был так уверен в своих силах, что почти не нуждался в помощи, и ничего не ответил.

Кофей уже простыл, ром был выпит, на синем-синем небе будто воочию вращался звездный круг; от Юпитера шел бледный столб в воде, разбиваемый ночной рябью, и теплый, почти удушливый ветер доносил широкими потоками изредка горьковатый запах померанцев. Они приближались к Испании.

4

Шел уже второй год, как уехал Иосиф и все не возвращался. Старый Бальзамо схватил где-то злокачественную лихорадку, которую не выдержал его уже некрепкий организм. После смерти мужа Феличе сама вела торговлю, расплатилась с кредиторами и наняла знающего приказчика. Но, конечно, она думала, что было бы гораздо лучше, если бы скорее вернулся сын и взял все в свои руки. Особенно теперь, когда она и сама свалилась с ног и совершенно не знала, как окончится ее болезнь. С отъездом Иосифа и смертью старого Пьетро сами комнаты стали как-то темнее, меньше и казались более пыльными и затхлыми. Феличе лежала на той же кровати, где родился Иосиф, покрытая тем же одеялом, и печально думала о своей одинокой теперь жизни и, может быть, близкой смерти. Вдруг она услышала, как брякнуло кольцо у входной двери, еще раз, еще... сильнее – и в комнату быстро вошел коренастый молодой шеголь таких лет, когда уже нужно бриться через день. Он быстро подошел к кровати, отдернул полог.

– Джузеппе, дитя мое!

– Милая мама, добрый день.

Феличе смеялась и плакала, осыпала сына поцелуями, рассматривала его лицо, нос, глаза, губы, даже ощупывала, как слепая. Иосиф смахнул слезу и стал рассказывать свои странствия, но казалось, Феличе их не слушала, а только смотрела на это лицо, на эти глаза, будто она завтра же должна была их потерять и хотела теперь насмотреться досыта. Сердце ее не обмануло: она не увидела больше сыновнего лица радостно и спокойно, а если и замечала его, то в разодранных видениях предсмертных мук, потому что бедная женщина умерла в ту же ночь, словно ее организм не выдержал радости. У нее было спокойное и довольное выражение, как у человека, который дождался хозяина, запер двери, передал ключ владельцу и мирно ушел домой.

Джузеппе не был хозяином, который вернулся в насиженный дом. Непоседливость, любопытство и стремление к знанию увлекли его дальше. Впрочем, это желание поддерживал в нем и кавалер д'Аквино, приехавший с ним в Палермо. Ликвидировав родительскую торговлю и сняв положенный траур, Иосиф отправился в Рим, снабженный рекомендательным письмом к графу Орсини. Это было весной 1768 года.

Папский Рим, несмотря на духовный сан государя, жил весело и свободно. Иосиф бегал первые дни как сумасшедший, осматривая памятники языческой и папской старины, пьянясь пышностью богослужений и процессий или глядя через окна кофеен на суетящийся и будто всегда карнавальный народ.

Бывал он только у графа Орсини, не прерывая заброшенных было первое время по приезде занятий. Кроме общей пестроты и оживленности улиц его немало привлекали окна магазинов, ремесленных заведений, где, казалось, были выставлены предметы, свезенные со всех концов мира. Жар не был особенно жесток и позволял Иосифу гулять по городу даже в те часы, когда римляне по привычке отдыхают после обеда.

Однажды, проходя по эстраде Пеллегрини, Иосиф заметил в окне одного литейщика чугунное кольцо, украшенное старинными эмблемами, напомнившими ему его давнишний сон. На пороге стояла девушка лет пятнадцати, с веселым и живым лицом, озабоченно и удивленно глядя на замешкавшегося молодого человека. Она спросила, не может ли чем служить синьору, причем тут же прибавила, что отца, Иосифа Феличьани, в лавке нет, а она сама дочь его – Лоренца. Бальзамо представился в свою очередь и спросил насчет кольца. Лоренца сказала, что она не знает, за сколько отец продает эту вещь, и чтобы, если господину не трудно, он зашел завтра утром.

– Тогда отец будет здесь, и вы с ним потолкуете.

– Хорошо. И синьора Лоренца будет завтра тут?

– Синьора Лоренца? Не знаю. Разве это вас интересует? Имейте в виду, что синьора Лоренца прекапризное существо и никогда не может сказать, что она будет делать через минуту.

– Будем надеяться, что завтра мы увидимся. Итак, до завтра.

Лоренца сморщила нос и присела, причем Иосиф заметил, что девушка немного хромает на левую ногу. Дав покупателю отойти несколько шагов, она окликнула его:

– Послушайте, господин в зеленом кафтане! Вы не думайте, что я совсем глупая девочка и меня может провести любой молодчик. Мне уже пятнадцать лет, и я отлично понимаю, что вы вовсе не Бальзамо и даже не Иосиф.

– А кто же я, по-вашему?

– Вы – граф!

– Отлично. Как же моя фамилия?

– Фамилия? Ах... да... фамилия. Ну, хотя бы Калиостро.

– Почему же именно Калиостро? – спросил Иосиф, раздувая щеки от смеха.

– Не смейтесь, пожалуйста. У меня есть тетка Калиостро.

– Графиня?

– Ах нет! Если б она была графиней!

– Что же бы тогда было?

– Я была бы графининой племянницей! Нет, правда, вы не отпирайтесь, что вы – граф. Я это вижу по глазам. Только вы – скупы и, думая, что отец возьмет с вас дороже за то, что вы – граф, скрываете свой титул. Вот и все! Но я вас выдам папе, будьте уверены.

– Как вам угодно. До свиданья, синьора Лоренца.

– До завтра, граф.

– Калиостро?

– Калиостро.

Оба рассмеялись, но на следующее утро Лоренца действительно представила Бальзамо как графа Калиостро, и литейщик даже стал спрашивать, не в родстве ли молодой человек с их теткой Цезариной Калиостро. Кольцо Иосиф купил, но на следующее утро пришел на эстраду Пеллегрини опять, уже в качестве простого знакомого. Лоренца в один из визитов Иосифа сказала:

– Синьор граф, у меня есть к вам маленькая просьба.

– В чем дело, синьора?

– Скоро настанет карнавал, любимое мое время... Я всегда гуляла с нашим знакомым медником Труффи, но он так ленив, бестолков и неповоротлив, что это отнимало для меня почти всю прелесть веселой прогулки... Вот если бы... впрочем, это слишком большая для меня честь!...

– Вы хотите, крошка, чтобы я вас сопровождал во время карнавала?

– Нет, нет. Я просто так сболтнула... я не подумала. Не обращайтесь внимания.

Лоренца притворно краснела, опускала глаза, стыдилась, но по лукавой улыбке видно было, как ей хотелось, чтобы Бальзамо понял ее и сам предложил свое общество для веселых дней масленицы. Лоренца присела и прибавила:

– Благодарю вас, ваше сиятельство. Благодарю вас! Я постараюсь достать себе костюм, достойный вас.

5

Лоренца была прелестна в красной маске; широкое зеленое платье «графини», как она выразилась, делало почти незаметным ее хромоту, и Иосиф, которому все-таки было только двадцать пять лет, с удовольствием взял девушку под руку – и они отправились по улицам, сплошь наполненным маскированной, кричащей, поющей толпой. Все пело, кувыркалось, целовалось, ленты взлетали в воздух, петарды трещали, свистки, гремушки, трещотки, барабаны раздирали уши, и на минуту, когда они вдруг разом стихали, слышались струны гитар, будто кто в бочку сыпал крупный горох, а в ней гудел фаготом майский жук. Выпущенные разноцветные пузыри с веревками летели, цепляясь и тыкаясь в балконы, украшенные старыми коврами, кусками парчи и цветными одеялами. Надувая щеки, трубил арлекин перед балаганом, а на занавесе другой, громадный, манерными пальцами указывал на вход. «Алина, королева Голконды», «Посрамленный Труффальдино», «Сундук бедствий». Ребята грызли купол св. Петра, вытисненный на больших коричневых пряниках; собаки, лая, отдыхали в антракте с красными колпачками на ученых головах. Обезьяна вычесывала сверху блох на маскированных дам, бросавших в нее объедками яблок. Ракета! Рассыпалась розой, роем разноцветных родинок, рождая радостный рев ротозеев. Колеса кружились, качели, коньки, юбки парусом, чулки, полоски тела над ними. Кто-то качает высоко верблюжью морду, как насос. Все шарахаются разом, будто сам Климент XIII пастырским помелом перегоняет паству с места на место. С горы льется ручей, пестрый, словно кухарка вылила ведро, где куски и томата, и моркови, и зеленого лука, капуцинов, свеклы, и красного перца, и жирная жидкость. Ах, серенада в беседке! А она на слоне двигается, будто сейчас всех раздавит. Треск вееров, – арлекин сделал неприличный жест. Блестят глаза и густо хрустальный смех исчезает в повечеревшем небе. Загорелись фонтаны. Кавалеры брызжут на пискливых маркиз и китайнок. Бубенчики. Лопаются трико. Все темнее. Виден месяц. Где же мечеть? Он один повис без минарета. С Палатина потянуло свежей землей и травой. Прощай, день! Соседнее Ave Maria звякает, как мирное стадо. Облако так тихо стоит, будто бы не знает, плыть ли дальше или вернуться или, как белый подол, опуститься на площадь.

Лоренца, растрепанная, помятая, счастливая, возвращалась медленно домой под руку с Иосифом. Они тихонько переговаривались, вспоминая проведенный день: как они ели мороженое, рубцы и пряники в палатке, пили желтое орвьето, как смотрели фантошей, где деревянная королева была убита дубинкой за неверность, как им гадал астролог, как к Лоренце пристал монах с носом в полтора аршина и в шелковых, вышитых золотом чулках; как собачке отдавили лапу: она ее поджала, а директор успокаивал публику, говоря, что теперь пострадавшей в некотором отношении будет удобнее: не нужно будет утруждать себя поднимать лапку. И все, все – все мелочи они вспоминали, будто дети или влюбленные. Лоренца шла, сняв маску и болтая ею на ходу. Глаза ее были задумчивы и нежны, а мушка со щеки съехала совсем к ноздре, придавая лицу смешной и трогательный вид. Она несколько печально говорила:

– Вот и прошел день и раньше будущего года не вернется, да вернется уже не таким же. Я буду старше, не будет вас, мало ли что может измениться? Вы понимаете, как грустно, когда что-нибудь кончается? И я уже не графиня! Я очень глупая и, может быть, ветреная мечтательница, но вот я часто мечтаю... Вы не смейтесь, я этого никому не говорю, а между тем я должна это сказать, иначе я лопну... Мне бы хотелось не то что быть богатой или знатной, а бывать ими... Всегда – это скучно! А так: сегодня богатая княгиня, завтра поденщица, послезавтра монахиня... Может быть, я рождена быть картежницей или актрисой. Я ведь очень веселая и выносливая... Или авантюристкой! Но одной скучно! И потом я обожаю путешествия. Вы счастливы, всего так много видели. А мне уж пятнадцать лет, а между тем я никуда не выезжала

из Рима – ведь это же ужасно! Но что об этом толковать!... Судьба не всегда от нас зависит. Простите, что я так болтаю. Едва ли это вам интересно...

Иосиф пробормотал какую-то любезность и поцеловал руку у девушки. Больше они не говорили, тем более что дошли уже до дома Феличьяни.

Через несколько дней лавку на эстраде Пеллегрини посетил граф Орсини и долго беседовал с хозяином, причем они заперли двери и Лоренцу выслали на улицу. Хотя девушка ничего против этого не имела, но все-таки ей показалось, что отец с гостем совещаются что-то уж очень долго. Наконец они вышли. Старый Феличьяни долго смотрел вслед уходившему графу Орсини, не накрывая головы шляпой, потом обратился к Лоренце:

– Ну, стрекоза, можешь себя поздравить.

– Не знаю с чем! – ответила дочь, пожимая плечами.

Отец объяснил ей, что граф приходил в качестве свата от Иосифа Бальзамо и что он, Феличьяни, дал свое согласие, так что теперь дело только за нею. Лоренца, вспыхнув, воскликнула:

– Вот я и буду графиней! Но какой плут этот ваш молодой человек! Хоть бы слово мне шепнул.

Феличьяни, конечно, не очень охотно отдавал Лоренцу за человека, который не имел никакого места, не занимался никаким ремеслом, ни искусством и не получил наследства, но Орсини объяснил ему, что Бальзамо готовится к ученой деятельности и что на первых порах ему будут помогать друзья, так что молодая чета не только не будет ни в чем нуждаться, но даже будет жить в полном довольстве. Девушка радовалась, хотя и не была влюблена в Иосифа, так что, пожалуй, этот последний более нетерпеливо ждал свадьбы, которая и произошла 20 апреля 1768 года в церкви св. Марии на горушках.

Лоренца и слышать не хотела, что Бальзамо не граф Калиостро, говоря, что ей ее мечты и фантазии дороже каких-то там полицейских бумаг. Иосиф не слишком горячо убеждал, до такой степени привыкнув к своему графству, что когда иногда в минуту нежности жена называла его «Бальзамчик мой!», он совершенно серьезно хмурил брови и думал, кого имеет в виду графиня. Чтобы совсем не походить на Иосифа Бальзамо, он даже изменил свое имя, называя себя и подписываясь: «Александр, граф Калиостро». Впрочем, он вообще любил инкогнито и псевдонимы, зовясь еще графом Фениксом и графом Гара, но это было впоследствии.

Молодые жили еще восемь лет в Риме. Калиостро укреплял свое знание, силу и мудрость под опытным руководством. Лоренца немного выезжала, посещала театры и прогулки, нашла себе платьев, но все-таки была очень рада, когда муж объявил ей в 1776 г., что им предстоит отправиться в Лондон. Пред Лоренцой уже рисовалась жизнь, полная превратностей, приключений, величия и падения, о какой она мечтала в тот далекий день карнавала.

6

Они приехали в Лондон ясным июльским днем. Солнце достаточно грело, и улицы были, пожалуй, оживленнее, нежели в Риме, так что, не будь небо так бледно, будто хорошо вымытый голубой ситец, и толпа не так молчалива, можно было бы подумать, что они не покидали благословенной Италии. Лондонский народ иногда и шумел, но это не был веселый гул южной площади, а брань и плач и выкрики закоптелых оборванцев, голодных детей в слишком длинных сюртуках и поломанных шляпах да накрашенных женщин, теснившихся у самых стенок и одетых так, будто каждая часть их туалета была выужена мусорщиком из герцогских помойных ям, где она пролежала с полгода. Они держались робко и молча, только временами пронзительно переругиваясь между собою или с проходившими мастеровыми. Впрочем, дальше от старых кварталов улицы делались шире; небольшие домики, обвитые хмелем, с широкими низкими окнами, имели, несмотря на то что были крашены в темную краску или построены из некрашеного кирпича, довольно уютный и приветливый вид. Около многих из них были насажены кусты бузины и разбиты огороды с цветами и хозяйственными травами, на окнах висели клетки с Канарскими птичками, и внутри почти в каждой комнате был виден большой, занимавший чуть не четверть всего пространства, очаг с котелком.

В одном из таких домов на Whircombstreet'e и поселился Калиостро, сняв верхний этаж у мисс Жульеты.

Калиостро минуло тридцать три года. Он придавал большое значение этому обстоятельству, думая, что это – время его выступления на историческую арену, и считая жизнь до этого года за подготовку, да и то, может быть, недостаточную, к этому шагу. В Лондоне он был посвящен в масонской ложе «Надежда». Это не была аристократическая ложа, но скромное собрание, состоявшее, главным образом, из живших в Англии французов. Калиостро выбрал именно эту ложу, не имея достаточных связей в Лондоне и, может быть, желая более заметным образом проходить первые ступени, будучи единственным титулованным лицом в этом обществе. Кроме того, он не мог не видеть, что в смысле практических знаний и способностей к изучению природных тайн и магии он превосходит многих, кто стоял выше его в ложе «Надежда». Дома он продолжал занятия химией и математикой, делая опыты над увеличением алмазов и стараясь проникнуть в систему азартных игр. Кроме того, он исследовал высшую гигиену, которая давала бы возможность организму периодически восстанавливаться и противодействовать влиянию времени, для чего каждый месяц два дня он налагал на себя строгий пост и строгое уединение, даже не прибегал к любимому им кофею и обществу Лоренцы. Действительно, граф был очень моложав и в свои тридцать три года казался двадцатидвухлетним юношей, хотя и страдал при невысоком росте некоторою тучностью.

Лоренцу последние опыты мужа интересовали больше всего, и, хотя она была на десять лет моложе Калиостро, она часто просила его после ежемесячного двухдневного затворничества передать и ей часть живительной силы.

Граф, улыбаясь, сжимал ей голову обеими руками, потом проводил ладонями по ее лицу, шее, плечам и груди, уверяя, что ей еще рано прибегать к чудесным средствам... Лоренца чувствовала некоторую теплоту и словно уколы в крови от прикосновений мужа, но для верности белилась, притиралась и румянилась напропалую. Впрочем, маленькая, с занятой мордочкой, веселыми ужимками, она и теперь похожа была на девочку.

Лоренца была не совсем довольна жизнью в Лондоне, она совсем не так себе ее представляла в своих мечтах. Согласитесь сами, довольно скучно живой молодой женщине сидеть целыми днями в маленьком домике и, надевши наряды, смотреть на капустные гряды, меж тем как муж все время проводит в лаборатории или ходит по масонским собраниям, оставляя ее без внимания. Делу помогла мисс Жульета, хозяйка дома. Видя, что приезжие достаточно

богаты и что Лоренца скучает, и, может быть, желая пристроить своих знакомых, она предложила Калиостро взять себе секретаря и компаньонку супруге. У мисс Жульеты как раз была в виду подходящая пара: г-жа Блевари и синьор Вителлини. Первая была разорившейся португалкой, второй – проигравшимся любителем химии.

– Как раз для вас! – ораторствовала мисс Жульета. – Мистрисс Блевари знает Лондон как свои пять пальцев и видела лучшие дни; это настоящая леди! Она вас не унижит своим обществом. Мистер Вителлини честнейший малый; он беден, это правда, но со всяким может случиться несчастье. Он хорошо пишет и, как и граф, интересуется химией. Он будет вам полезен, уверяю вас. Это доброе дело, поверьте. К тому же они ваши соотечественники.

Добрая мисс Жульета и португалку причислила к дочерям Италии. Хозяйка совершенно напрасно тратила свое красноречие, потому что граф и графиня ровно ничего не имели против ее протезе, и на следующее утро Лоренца, выйдя в залу, увидела сидевшими у дверей две странные фигуры. Графиня всплеснула руками и, воскликнув: «Вот так уроды!» – не отвечая на низкие поклоны, бросилась за мужем.

Знавшая лучшие дни мистрисс Блевари оказалась маленьким, толстым существом с усам, как у жандарма, черным, как нечищенный сапог, одетым в красную робу, зеленую шляпу и лиловые чулки. Ее толстые кривые ноги висели, не доходя до полу; от пудры, которая обильно осыпалась на ее выступающую грудь и почти так же выдающуюся спину, лицо ее казалось еще чернее и усы зазорнее, пальцы были в кольцах с крупными цветными стеклами. Около нее еле сидела задыхающаяся толстая моська, высуня язык, раскорячив ноги и все время чихая. По другую сторону двери осторожно, согнувшись в три раза, сидел старик в зеленых очках и с зеленым козырьком над глазами. Он нюхал табак и тоже поминутно чихал, стараясь делать это не в раз с моськой.

Лоренца, введя Калиостро, снова всплеснула руками и села на диван от смеха. Уроды встали и низко поклонились. Графиня, преодолев смех, подбежала к мистрисс Блевари и быстро заговорила:

– Никогда не снимайте этого платья, дорогая синьора, никогда. Мы так будем ездить по городу, и ваша душка мосенька с нами! Как ее зовут? Психея? Прекрасно! Мне будет казаться, что всегда карнавал! Иногда и синьор Вителлини будет нас сопровождать (тут любитель химии и Психея разом чихнули). Мы весь Лондон сведем с ума!

И она стала крутить португалку. Моська не двигалась вслед за ними, только чихала всякий раз, когда они кружились около нее. На следующее утро Вителлини перевез свой чемодан, а Блевари свой сак, где была испанская шаль, кастаньеты, две бутылки хереса, молитвенник и три рубашки, и семейство графа увеличилось двумя персонами, не считая Психеи.

7

У Вителлини было много свободного времени, которое он проводил обыкновенно в кабачке «Трех китов», где был давнишним завсегдатаем и имел много друзей. Увидев, что «любитель химии» не слишком полезен при опытах, Калиостро пользовался им для посылок, но и на это дело «честнейший малый» оказался мало пригоден, так как постоянно пропадал и возвращался домой ночью с помутившеюся памятью и преувеличенным сознанием собственного достоинства.

Желая помочь своим собутыльникам в случавшихся иногда денежных затруднениях, он им посоветовал обратиться к графу Калиостро, говоря, что тот человек богатый, добрый и притом «философ», следовательно, не будет очень разбираться, правду ли говорят просители. Между другими был косоглазый мистер Скотт и некая Мэри Фрей, которым Вителлини долго не говорил о графе Калиостро. Наконец у них дошло дело до того, что прямо хоть полезай в петлю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.